

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-21-43>

УДК 008

ББК 71.1(2=64) + 86.372-4

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. В. Н. Якунин

г. Москва, Россия

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ СРЕДИ КАЛМЫКОВ В КОНЦЕ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВВ.: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В статье анализируется процесс распространения православия среди калмыков в конце XVII – первой половине XVIII вв. и их переселение в специально основанный для этих целей г. Ставрополь. Утверждается, что переселение калмыков на новые земли и их христианизация было делом государственной политики, которая отличалась гибкостью и прагматизмом. Она проводилась с учетом внутренних и внешних факторов. Немаловажное значение придавалось крещению калмыцкой верхушки, созданию среди нее проправительственно настроенной элиты. Оказывая влияние на своих соплеменников, элита должна была стать опорой в политике проведения христианизации. Рассматривается деятельность государственных и церковных деятелей, способствовавших этому процессу: В. Н. Татищева, А. П. Волынского, А. И. Румянцева, И. К. Кириллова, А. И. Змеева, архимандрита Никодима (Ленкевича), протоиерея Андрея Чубовского и других. Закладывая Ставрополь, руководствовались необходимостью защиты России от набегов башкир: крепость занимала срединное место между Закамским и Оренбургским укреплениями. Город имел перспективу развития, благодаря выгодному географическому положению на главной водной магистрали России. Льготы, получаемые при крещении, привлекали значительное число калмыков, но среди них было немало таких, которые на глубинном духовном уровне не воспринимали христианство, продолжая оставаться в привычной вере, наиболее приспособленной к кочевьям. Новая вера приживалась с трудом. С самого начала Ставрополь строился как многонациональный город, так как было решено селить рядом с калмыками русских крестьян, купцов и разночинцев, чтобы калмыки приучались, глядя на них, к оседлому образу жизни и земледелию. В декабре 1738 г. основатель Ставрополя В. Н. Татищев совместно с его первым комендантом, полковником А. И. Змеевым, вышел в Коллегию иностранных дел с предложением наделить землями и угодьями калмыков, наделить беднейших из них лошадьми, устроить для них школы и больницы. Оседлость, просвещение, здравоохранение вместе с христианизацией представлялись механизмами поворота населения колонизируемых имперских окраин, включая калмыков, на общий для всей России путь социальной и культурной модернизации. Убедительно доказывается, что политика правительства в отношении перевода калмыков на оседлый

образ жизни не удалась, так как слишком глубоки были традиции и привычки кочевников. Христианизация калмыков также носила формальный характер, они оставались верны прежней вере, наблюдались факты двоеверия.

Ключевые слова: храмы, соборы, церкви, духовенство, калмыки, гелюнги, зайсанги, тайши, нойоны.

Информация об авторе: Вадим Николаевич Якунин — доктор исторических наук, профессор, Московский художественно-промышленный институт, 2-я Бауманская ул., д. 9/23с3, 105005 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0464-2938> E-mail: vadyak@mail.ru

Дата поступления статьи: 01.12.2020

Дата одобрения рецензентами: 25.01.2021

Дата публикации: 28.03.2022

Для цитирования: Якунин В. Н. Распространение православия среди калмыков в конце XVII – первой половине XVIII вв.: культурно-исторический анализ // Вестник славянских культур. 2022. Т. 63. С. 21–43. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-21-43>

Город Святого Креста... Это имя, данное Ставрополю (современный г. Тольятти) при его основании, как бы подчеркивало особую роль города, ставшего одним из оплотов православия на юго-востоке России. Поэтому вовсе не случайно важнейшее место в жизни ставропольцев занимала вера, с рождения и до смерти их осеняли кресты православных церквей.

Цель работы — проанализировать государственную политику распространения православия среди калмыков в конце XVII – первой половине XVIII вв., рассмотреть причины и последствия их переселения в специально основанный для этих целей г. Ставрополь.

В 1737 г. на протоке Куньей Воложке была заложена крепость, позднее вместе с приписанным к ней посадом получившая статус города, названного Ставрополем и включенного в состав Оренбургской губернии [26, с. 76]. В эту губернию в 1744 г. была преобразована Оренбургская комиссия, которая с 1734 г. осуществляла деятельность по продвижению границ и влияния Российской империи в юго-восточном направлении, установлению торговых связей с соседними и отдаленными азиатскими странами и народами [31, с. 6–7, 10–11, 23–24]. Ставрополь, «небольшой по численности жителей город (чуть более 600 жителей м.п. и немногим более 1000 лиц об. п.) имел с 1745 г. до начала последней четверти XVIII в. достаточно высокий административный статус центра Ставропольской провинции и одноименного уезда Оренбургской губернии» [7, с. 82]. Город был поставлен между уже имевшимися здесь русскими селами Федоровкой и Борковкой. В Ставропольском уезде, кроме небольшого числа горожан и многочисленных крестьян из русских и народов Поволжья, были поселены крещеные калмыки, до образования упомянутой губернии находившиеся в непосредственном ведении Коллегии иностранных дел и руководства Оренбургской экспедиции (комиссии) [32, с. 77, 82].

История заселения этого уезда, формирования этнического состава его населения достаточно обеспечена письменными и устными источниками. Их характеристика дана в работах Л. М. Артамоновой [3, с. 471–475], С. В. Джунджузова [14, с. 211–214], Ю. Н. Смирнова [30, с. 979–983], других авторов [1, с. 3–33] и в коллективных трудах [22].

Три века, начиная с сочинений П. И. Рычкова и его современников [29, с. 171–175], ведутся исследования этноконфессионального [13, с. 65–69] и социального состава военно-служилого [19] и иных групп населения Ставропольско-Самарского Поволжья [11, с. 364–372], их хозяйственной [37, с. 101–109] и культурной жизни [6, с. 101–113]. Результаты этих исследований нашли отражение в историографических статьях [17, с. 8–24] и разделах капитальных трудов [15, с. 6–26].

Благодаря изучению прошлого народов имперских окраин, включая кочевников юго-востока Европейской России [28, с. 161–173], среди современных исследователей утвердилось мнение о том, что «этноконфессиональная политика России отличалась прагматизмом и терпимостью по отношению к нерусским» народам [21]. Политико-стратегические задачи были для нее первоочередными.

Все же история крещеных калмыков остается недостаточно изученной, что и определило наше обращение к ней. Это дает возможность уточнить актуальные в современной исторической науке взаимосвязанные вопросы о том, «каким образом шло присоединение новых территорий к России», «как в составе империи осуществлялась их интеграция и аккультурация» и «как процессы на этих землях влияли на внутреннюю жизнь и модернизацию российского общества и государства в целом» [36, с. 873].

Основание крепости Ставрополя восходит к историческому моменту распада родовых связей, дальнейшего имущественного расслоения в среде калмыцкого населения России. Кочевые племена калмыков, которые в давние времена находились в подчинении монгольских ханов, стали постепенно переходить Уральский хребет и поселяться на южных окраинах Русского государства. Неудивительно, что царскому правительству хотелось иметь калмыцкие племена у себя на службе [23, с. 7].

Уже в середине XVII в. калмыки начали принимать православие, хотя господствующей религией у них продолжал оставаться буддизм.

Ко времени переселения калмыков в Поволжье многочисленная каста буддийских жрецов (гелюнгов) составляла четверть всего населения. Бремя их содержания ложилось на весь народ, так что в 1738 г. в разговоре с одним из зайсангов (представителем местной власти) о причинах упадка калмыцкого благосостояния В. Н. Татищев объяснял ему: «Мне до вашего закона и молитв дела нет. Однако, как слышу от многих знатных и умных калмыков в разговорах, что от сих молитв великое калмыцкому народу разорение чинится... другие калмыки, хотя и не знают закона, но для великого подаяния все тщатся на себя духовный сан принять. И тогда тем духовным, кто добродотливо не подаст, в неволю скот и другое снимают» [24, с. 1–7].

В начале XVIII в. Россия стала проводить политику разъединения калмыков. Уложение 1640 г. (практически калмыцкий уголовный и гражданский кодекс) было заменено российскими законами, усилилась миссионерская деятельность православной церкви. Успех от разобщения калмыков, их крещения был настолько заметен, что перед русским правительством встал вопрос об отделении крещеных калмыков от основной массы калмыцкого народа. Именно в этой связи и появились следующие указы: «О калмыках, чтоб склонять владельцев и законников их в Христианство ученьем и дачею и книги нужные перевести на их язык», «О приискании учителей, способных обращать калмыков к благочестию». В 1725 г. иеромонаху Троице-Сергиева монастыря Никодиму Ленкевичу (1673–1739) была дана инструкция «О просвещении новокрещеных калмыков учением Христианской веры» [39, с. 25].

Распространение христианства среди калмыков привело к тому, что в 1700 г. новокрещенцы жили уже особым большим поселением на реке Терешке, впадающей в Волгу выше Саратова. Чтобы преградить калмыкам переход из буддизма в христианство, гелюнги уговорили своего хана Аюку разорить и сжечь это селение, а калмыков-христиан отвести обратно в улусы. Однако карательная экспедиция против соплеменников не принесла желаемых результатов: калмыки продолжали принимать крещение. Русское правительство стало с тех пор посылать новообращенных в город Чугуев, где они вливались в состав казаков [12; 16, с. 29].

Самый массовый переход калмыков в православие произошел в 1710 г., когда 10000 человек ушли на Дон. Хан Аюка, имевший договор с русским царем, жаловался ему, что на Дону принимают беглых из его орды. Но русское правительство, хотя и предписало донским казакам не принимать подданных хана без его позволения, тем не менее крещеных калмыков ему не возвратило, а переселило из Чугуева в Киев. На основании шертных записей, калмыцкая знать не могла требовать возвращения крестившихся калмыков: «...которые калмыки по своим желательностям похотят в Православную христианскую веру креститься, и тех для Православныя христианския веры им тайдшам и улусным людям не просить и не бить челом» [27, с. 76]. Правительством было назначено вознаграждение калмыцкой знати тридцатью рублями за каждого калмыка, становившегося после крещения свободным. Кроме того, крестившиеся калмыки также получали денежное вознаграждение: женатым зайсангам выдавали 15 руб., женатым калмыкам «черной кости» — 2 руб. 50 коп., холостые получали в два раза меньше. Были и другие льготы: крестившиеся калмыки освобождались от уплаты долгов, сделанных до принятия крещения, а в правление Анны Леопольдовны были даже освобождены от наказания за убийство, если они после этого принимали крещение. Впрочем, эти льготы были вскоре отменены.

С 1720 г. с особым усердием стал содействовать обращению калмыков в православие астраханский губернатор А. П. Волынский. Он считал, что крещение калмыков будет способствовать их ассимиляции с русскими.

Политика христианизации калмыков отличалась гибкостью и прагматизмом. Она проводилась с учетом внутренних и внешних факторов. Немаловажное значение придавалось крещению калмыцкой верхушки, созданию среди нее проправительственно настроенной элиты. Оказывая влияние на своих соплеменников, элита должна была стать опорой в политике проведения христианизации [39, с. 26]. Когда в последние годы правления хана Аюки его влияние стало ослабевать и вследствие междоусобиц калмыки разделились на четыре части, то многие тайши, нойоны и зайсанги (представители знати) по совету А. П. Волынского уехали в Санкт-Петербург и там крестились. Восприемником тайшей и нойонов был Петр I, восприемником зайсангов — князь Меншиков и другие сподвижники Петра I.

В 1724 г. Аюка умер, и среди его многочисленных преемников началась борьба за власть. В том же году Петр I повелел «склонять владельцев и законников их (калмыцких) в христианство учением и дачею, и книги нужные перевести на их язык» [12], а Святейший Синод по указу Петра I распорядился направить специальную миссию в калмыцкие улусы, состоящую из священника и выпускников Заиконоспасской школы. Во главе миссии был поставлен иеромонах Троице-Сергиева монастыря Никодим Ленкевич, хорошо знавший калмыцкий язык. Успеху миссии способствовала и деятельная помощь А. П. Волынского, так что вскоре внук Аюки Баксадай-Доржи, кочевавший с 344 кибитками близ Астрахани, желая занять ханский престол, решил принять право-

славие вместе со своими подданными, чтобы заручиться поддержкой царского правительства. Такое же решение принял другой внук Аюки, Нитар-Доржи [10, с. 23].

Крещение Баксадая состоялось 15 ноября 1724 г. в соборной Троицкой церкви Санкт-Петербурга. Петр I сам был восприемником Баксадая-Доржи, получившего в крещении имя Петра Петровича, а его титул — тайша — стал основой фамилии — Тайшин. С ним крестились семь зайсангов, крестными отцами которых стали Александр Меншиков и другие ближайшие сподвижники Петра Первого. Однако желаемого трона хану Петру Тайшину получить не удалось [9, с. 139].

Император подарил ему походную церковь во имя Воскресения Господня с иконостасом на атласе, изготовленную по собственным чертежам. Большой сакральный смысл был заложен в ее названии: идолопоклоннический народ посредством принятия святого крещения воскресает из тьмы языческих верований. На алтаре этой церкви была надпись: «Повелением благочестивейшего Государя Петра Великого благословением Святейшего Синода состроился храм сей походный Воскресения Христова и освятился 1725 февраля 17 и дадеся владельцу калмыцкому новопросвещенному Петру Петровичу Тайше» [39, с. 27].

Эта церковь неоднократно использовалась в качестве походного храма и до 1842 г. хранилась в Троицком соборе как святыня, а в 1842 г. была перевезена в г. Оренбург.

Иконостас походной Воскресенской церкви (с позднейшими вставками), серебряный вызолоченный напрестольный крест с частицами мощей различных святых, антиминс, дискос, потир, священническое облачение, богослужебные книги, Библия до 1917 г. хранились в домовый церкви Неплюевского кадетского корпуса г. Оренбурга. Н. В. Витевский оставил не только подробнейшее описание иконостаса, но и опубликовал его фотографию в своем фундаментальном труде [12].

11 февраля 1725 г. Императрица Екатерина Алексеевна подтвердила решение Петра Первого об отправке с Тайшиным священника «кого Синод заблагорассудит» [39, с. 27]. Жалованье миссионерам выдавалось из доходов Астраханской губернии. В числе отправившихся к калмыцким кочевникам миссионеров были Андрей Чубовской, Иван Ляхов, Максим Долманов, Петр Смирнов, Федор Львов, Алексей Яковлев, Яков Федотов.

Алексей Яковлев был определен дьячком походной церкви, Яков Федотов — пономарем. Изучая калмыцкий язык, они должны были обучить Тайшина и его детей молитвам. Перед отправкой в степь Синод дал иеромонаху Никодиму ряд инструкций: правила поведения среди калмыков, о крещении калмыков, об отношении к новокрещеным и т. д.

Новоиспеченный православный российский князь Петр Петрович Тайшин прибыл в Царицын 18 марта 1725 г. с походной церковью, «а при оной иеромонах Никодим Ленкевич да несколько учеников из Московской Спасской школы для обучения калмыцкому языку и письму, чтоб впредь из них могли быть в священниках и диаконах. Тому иеромонаху для пребывания в калмыцких улусах определено было жалованье по 300, а ученикам каждому по 100 рублей в год» [39, с. 27–28].

Деятельность Никодима находилась под пристальным вниманием высших органов власти, Сената и Синода, куда регулярно должны были отправляться отчеты обо всем происходящем в кругу калмыков. Отношения между Никодимом и Петром Тайшиным складывались сложно. В донесении барона Петра Павловича Шафирова в Коллегию иностранных дел говорилось, что в разговоре Тайшин сетовал на то, что «духовных людей возле него нет, иеромонах мало при нем бывал, больше жил в Астрахани.

А церковь благочестивая (речь идет о подаренной Тайшину Петром Первым походной церкви) никогда в улусах не была» [39, с. 28, 31]. Тайшин всячески подчеркивал свое недовольство деятельностью Никодима. Он указал на свое желание оставаться в православной вере, на то, что один его сын уже крещен, а «другого он намерен крестить, но только учителя при нем нет. Школьники в улусах не бывают, а живут в Астрахани, при нем их три человека» [39, с. 31]. Федор Черкасов писал Никодиму, что при встрече с Шафировым Тайшин оболгал Никодима, что при Тайшине находятся гелюнги и что Тайшин едва ли не возвратился в прежнюю веру.

Иеромонах Никодим вынужден был оправдываться: 8 марта 1731 г. он сообщал в Святейший Синод, что находился при Петре Тайшине постоянно, исполняя духовные обязанности среди кочующих вокруг города калмыков других владельцев. Отец Никодим указал на неискренность слов Тайшина о желании придерживаться православного благочестия. Иеромонах писал, что его не допускали для благословения ни к Петру Тайшину, ни к его детям, а главными советниками Тайшина были представители калмыцкого духовенства [39, с. 31].

Очень скоро по степи распространились слухи, основанные на словах самого Тайшина, что с помощью русских он станет калмыцким ханом. Астраханский губернатор А. П. Волынский также не скрывал своих надежд с помощью Тайшина обратить основную массу калмыков в христианство. Однако авторитета Тайшина оказалось недостаточно для того, чтобы стать калмыцким правителем, да и миссионерская роль православных священников не выходила за окружение князя.

В 1726 г. «крещеный владелец Петр Тайшин через посланца своего здесь просил о строении городка близ Астрахани и о крещении других калмыцких владельцев подданных, и чтоб им быть при нем, Петре Тайшине. Но на то к нему от канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина писано, что вскоре решения о том учинить невозможно за неполучением от него, Петра Тайшина, известия, где он по переходе через Дон к Волге кочевать будет» [39, с. 28].

Подготовка к обряду крещения занимала несколько недель. С калмыками беседовали священники на их родном языке, рассказывали о сущности православной веры, а административные власти «рассуждали, какое награждение учинить крестившимся» [39, с. 29]. Это могло быть новое платье, украшения, предметы религиозного культа, денежные и продовольственные дотации. Более знатным калмыкам, нойонам и зайсангам, предоставлялись бесплатно дома. Эти и другие льготы привлекали значительное число калмыков, но среди них было немало таких, которые на глубинном духовном уровне не воспринимали христианство, продолжая оставаться в привычной вере, наиболее приспособленной к кочевьям. Новая вера приживалась с трудом [39, с. 29].

В 1730–1731 гг. Никодим Ленкевич отправлял в Синод донесения, в которых говорилось, «что он, Петр Тайшин, о подчиненных своих крещеных калмыках не точию старания не имел, но и малых их детей крестить отвращал и, хотя и он сам святое крещение принял, однако ж больше с своими попами, нежели с православными, имел сообщение, а когда получал жалованье, то из оногo раздавал некрещеным калмыкам и попам моления ради идолам» [25, с. 252].

Никодим (Ленкевич) жаловался, что Тайшин в святую церковь никакого подаяния не чинит, палатки или кибитки не хочет сделать и подвод под походную церковь не дает.

Исходя из пользы миссионерского дела, Никодим убеждал Синод селить крещеных калмыков отдельно от некрещеных, по этому вопросу он в 1729 г. представил

доклад. Слушание по донесению иеромонаха состоялось 31 августа 1730 г., предложение его признали полезным, о чем было доложено в Сенат для принятия решения. Позиция Никодима вызвала естественное недовольство калмыцкой знати. При отделении и переселении некрещеных калмыков зайсанги теряли подвластных им людей [39, с. 29]. Никодим высказывался против передачи крещеных калмыков в собственность Тайшину.

В 1730 г. Андрей Чубовской был взят переводчиком в Астраханскую губернскую канцелярию, а Никодим вместе с Петром Смирновым, Иваном Ляховым и Яковом Бестужевым в конце года выехали в Москву, куда прибыли 11 января 1731 г. С калмыками остались Федор Черкасов и Алексей Яковлев. Перед отъездом Никодим составил для них инструкцию [39, с. 29].

В 1731 г. иеромонах Никодим был переведен в Новоспасский монастырь, за ним сохранялись выдаваемые ему кормовые деньги. В том же году он был возведен в сан игумена, а затем архимандрита астраханского Иоанно-Предтеченского монастыря. В этом качестве архимандрит Никодим обратился в Синод с предложением открыть при монастыре училище для обучения русских и калмыцких детей грамоте. Определением Синода заботы об открытии училища были возложены на астраханского епископа Иллариона и губернатора И. Измайлова. В 1732 г. училище было открыто, учащимся и учителям жалование выдавалось из доходов губернии. В 1733 г. Никодим Ленкевич был уволен по болезни на покой в Киевский Златоверхний Михайловский монастырь, но спустя некоторое время вернулся к активной деятельности в построенном для крещеных калмыков г. Ставрополе [39, с. 31].

Переход калмыков в православную веру и покровительство, оказываемое новокрещенцам русской властью, были не по душе национальной феодальной верхушке, которая в своем большинстве оставалась верной религии предков. Калмыцкие ханы, терявшие в лице бежавших источник дохода, настойчиво требовали возвращения им не только тех, кто еще не крестился, но и принявших православие. Особую агрессивность в этом вопросе проявлял хан Дондук-Омбо (внук Аюки). Придя к власти, он потребовал от российского правительства возвращения в улусы всех новокрещеных калмыков или по крайней мере передачи их Петру Тайшину. Правительство уведомило Дондук-Омбо, что оно поступало и впредь будет поступать в соответствии с пунктами существующих шертных записей, но согласно передать в управление Петру Тайшину всех крещеных калмыков и поселить их подальше от калмыцких улусов. Однако время шло, а положение крещеных калмыков оставалось прежним [39, с. 37].

В 1736 г. Дондук-Омбо вновь обратился в Коллегию иностранных дел с просьбой вернуть ему всех крещеных калмыков и дать гарантию, что впредь не будет проводиться миссионерская деятельность среди его народа. «Если же те крещеные в его улусы не отдадутся, — писал он, — то б их всех от Волги отвести в дальние российские места и тамо, яко сущих россиян, поселить и употребить бы в службу» [39, с. 37].

В своем ответе Коллегия иностранных дел сообщала, что правительство не может ни возвратить крещеных калмыков их владельцам, ни тем более запретить желающим калмыкам принять православную веру. Что же касается изоляции новокрещенцев от их некрещеных соотечественников, правительство вновь подтвердило свое обещание передать первых во владение Петра Тайшина и поселить их подальше от улусов волжских калмыков. Выполнение этой задачи облегчалось тем, что в 1736 г. Тайшин, хлопотавший в Петербурге о возвращении ему наследственного улуса, захваченного родственниками в процессе междоусобных столкновений, вторично обратился к правительству

с просьбой передать в его ведение всех крещеных калмыков, для которых «в способном месте построить городок» и выделить отдельную территорию, сосредоточив их всех за чертой закамской линии, на землях выше г. Самары [39, с. 37].

Как видно из выписки, приобщенной к указу Коллегии иностранных дел от 7 ноября 1736 г., присланной руководителю Оренбургской экспедиции, статскому советнику Ивану Кирилловичу Кириллову, в городах Астраханской губернии было крещено 5282 калмыка из 1446 семейств разных улусов.

Предложение калмыцкого князя заинтересовало правительство. Оно увидело несомненную пользу в отделении крещеных калмыков от некрещеных и в приучении первых к оседлому образу жизни. Во второй половине 1736 г. Коллегия иностранных дел поручила казанскому губернатору генерал-лейтенанту А. И. Румянцеву рассмотреть просьбу Петра Тайшина [39, с. 31, 37].

Выполняя поручение российского правительства, А. И. Румянцев лично объехал многие местности Оренбургского края и признал, что самое, на его взгляд, удобное место для поселения калмыков будет при верховьях реки Ика, где в междуречье Кинеля и Сока находятся степи, простирающиеся до Урала [27, с. 78]. Вследствие этого донесения Коллегия иностранных дел предписала начальнику Оренбургской экспедиции Ивану Кирилловичу Кириллову осмотреть указанное А. И. Румянцевым пространство и, выбрав «пристойное и крепкое место», построить там княжеский двор и несколько домов для представителей калмыцкой знати [39, с. 38]. И. К. Кириллов выбрал место на реке Ток, и в правительстве согласились с этим предложением. Он выразил сомнение в возможности скорой оседлости калмыков, заметив, что «пашни можно ожидать разве от внучат или правнучат оных калмыков» [12].

Во время поисков места для поселения крещеных калмыков, не дождавшись их объединения под своей властью, в 1736 г. умирает князь Петр Петрович Тайшин. Жена его, княгиня Анна, наследует все имущественные права. С крещением она получила и право быть главою всех обращенных в православие калмыков. Под ее власть были определены не только подданные и родственники Тайшиной, но и все калмыки, желавшие креститься. В. Н. Татищев писал в Академию наук о княгине после их личного знакомства в 1738 г., что та показала она себя в беседах с ним как «между многими науками превосходная» [8, с. 576].

7 апреля 1737 г. на имя И. К. Кириллова был послан Указ, чтобы он для крещеных калмыков и их княгини Анны Тайшиной построил в пристойном месте небольшую крепость и в ней церковь, «и оной княгине и знатным при ней зайсангам, тако-ж и полковнику Змееву, в оную крепость комендантом определенному, поставить дворы заблаговременно» [27, с. 80]. Но Иван Кириллович не смог довести до конца начатое дело: через семь дней после выхода в свет Высочайшего указа, 14 апреля 1737 г., он скончался в Самаре от чахотки на 48-м году жизни. Похоронен был в церкви Николая Чудотворца, соединенной впоследствии с церковью Казанской Божией Матери (старым собором).

И. К. Кириллов принадлежал к петровской плеяде преобразователей, искренних, целеустремленных, прозревавших Россию на века вперед через неоглядные безлюдные пространства ее огромной территории. Наследовал ему достойный продолжатель его дела. Преемником Ивана Кирилловича по управлению Оренбургским краем стал тайный советник В. Н. Татищев. Отныне устройство крещеных калмыков — одна из многих задач, поставленных перед Василием Никитичем [39, с. 39].

12 мая 1737 г. будущий комендант ставропольской крепости Андрей Иванович Змеев писал в Коллегию иностранных дел, «что на оных от Кириллова избранных мест, помянутых княгиню и калмык для разных обстоятельств селить не сходно и неудобно, а лучше поселить их внутри Закамской линии и построить бы крепость для оной княгини и для будущих при ней зайсангов по рекам Волге, Соку или Кундурче» (за линией поселение было бы трудно охранять от набегов казаков и калмыков из улусов Доржи Назарова) [12].

Правительство 27 мая 1737 г. предписало В. Н. Татищеву рассмотреть мнения И. К. Кириллова и А. И. Змеева и лично осмотреть указанные места. Но В. Н. Татищев не смог сам ознакомиться с предложенными местами и, основываясь на картах и письменных сведениях, доставленных ему Тевкелеевым, рассудил, что лучше княгине Тайшиной жить в Алексеевке, «на линии, между Самары и Красносамарска, где ей на первый случай покоев довольно, а прочих калмык ввестъ за линию между рек Кондурчи и Черемшана, в степь, которой поперек более 90 верст, а от Волги вверх тем рекам более 100 верст, и где мнится, что они уместиться свободно могут; если же им покажется тесно, то могут за линией в степи в удобных местах кочевать, где они от набегов других калмыков закрытием строящихся к Оренбургу крепостей могут быть безопасны» [24, с. 13].

Но место, избранное В. Н. Татищевым, не понравилось Анне Тайшиной. Желая угодить княгине, он обратился за содействием в поиске более удобного места к самарским казакам. Один из них указал В. Н. Татищеву на «урочище Переполье, где есть Воложка Копылова, а на ней бор с годным для строения лесом; близ того же урочища вышедшая из степи речка Курумоч, коя впала в Сок мимо Царева Кургана, а к востоку степь, под Перепольем же к Волге великие сенные покосы» [25, с. 260–261, 620–630]. Таким образом, калмыки постепенно приближались к тому месту, на котором потом они были поселены уже окончательно. Это место было указано тем же самарским казаком, который обратил внимание В. Н. Татищева и на Переполье; оно находилось выше Переполья верст на 20 и называлось «Кунья Воложка». 24 сентября 1737 г. В. Н. Татищев представил в Коллегию иностранных дел доклад, в котором рекомендовал это место, богатое лесом и лугами, наиболее удобным к поселению калмыков и княгини Тайшиной.

Итак, остановив свой выбор на Самарской Луке, правительство решило селить крещеных калмыков от устья реки Черемшана до деревни Церевокурганской (позже Царевщина), а для знатных из них построить крепость близ Волги на полуострове, образуемом Волгой и Куньей Воложкой [12].

Коллегия признала выбор удачным и довела свое решение до сведения Татищева 31 октября с предписанием, «чтобы все оное строение по силе прежде посланных указов скорее оканчивать» [39, с. 39].

В. Н. Татищев отправил на выбранное место поручика и геодезистов, которые должны были измерить и нанести на карту выбранные места, так как в карте И. К. Кириллова обнаружились ошибки. Геодезисты сняли чертежи и планы на месте будущего Ставрополя, нанесли на карту берег Волги на 20 верст в каждую сторону и всю степь между реками Соком, Кондурчей и Черемшаном и составили план самой крепости с домами для знатных калмыков, казармами для солдат и кладовыми магазинами, а также начертили план церкви [25, с. 557].

В. Н. Татищев осуществил закладку города, руководствуясь необходимостью защиты России от набегов башкир: крепость занимала срединное место между Закам-

ским и Оренбургским укреплениями. Город имел перспективу развития, благодаря выгодному географическому положению на главной водной магистрали России.

Еще 26 сентября 1734 г. в Санкт-Петербург была отправлена жена Тайшина Церен-Янжи в сопровождении пристава астраханского драгунского полка, толмача, двадцати буддийских монахов, а также двух девочек. Церемония принятия Церен-Янжи Императрицей Анной Иоанновной была прописана до мельчайших подробностей. 17 ноября 1734 г. Церен-Янжи была представлена Императрице и просила «о сподоблении ее Святого крещения, почему она и крещена и наречено ей имя Анна, восприемницею у нее изволила быть Ее Величество Государыня Императрица Анна Иоанновна, восприемником был Остерман» [39, с. 54]. Крестили Церен-Янжи 3 июля 1735 г.

С крещением Анна Тайшина получила титул княгини и право быть главою всех обращенных в православие калмыков. Вместе с княгиней в Петербурге крестилось много соплеменников из ее свиты, восприемниками которых были сенаторы, советники разных коллегий и контор. Крестили их иеромонах Варлаам в церкви Преображенского полка кадетского корпуса и протопоп Василий Терлецкий в церкви Исаака Далматского.

Примером того, как новообращенные калмыки отзывались о своем крещении, служит следующий отрывок из письма зайсанга, возведенного в ранг полковника, Ивана Шаро, написанного им к матери и братьям: «Великая Государыня пожаловала, и я крестился; ежели меня помните, то, поверя астраханскому губернатору, приезжайте в Астрахань. И кто из людей наших сего послушает и пожелает креститься, и тех с собою возьмите, и удобовозможными способами их к крещению приведите, и сами окреститесь. А нам, матушка, креститься или не креститься, оное состоит в нашей воле, и ежели не будете креститься, то и в город Вам не для чего ехать; но можете жить в своем улусе и дела свои как наилучшим образом исправлять. Шаро руку приложил. 19 января 1737 года» [24, с. 8–14].

Княгиня Анна еще находилась в Петербурге, а предназначенные ей в управление калмыки начали уже стекаться к сборным пунктам (Астрахани, Самаре и Красному Яру) для отправки их к новому месту жительства. Незадолго перед отправлением княгини из Петербурга были определены при ней архимандрит, три священника и семь церковников с «пристойным жалованьем» [39, с. 44].

Тайшина в апреле 1737 г. прибыла в Самару, получив при отъезде на обзаведение 9247 руб. [25, с. 557]. Совет из зайсангов, выбранный самой княгиней, должен был вместе с ней управлять подданными.

20 июня 1737 г. на имя княгини Анны Тайшиной была прислана Высочайшая грамота на владение и управление всеми крещеными калмыками (Центральный государственный архив древних актов. Ф. 248. Кн. 140. Л. 494–495). Одновременно с этой грамотой о построении города Ставрополя для крещеных калмыков и предоставлении его в управление княгине Тайшиной правительство, заботясь о скорейшем заселении города, предписало саратовскому воеводе полковнику В. П. Беклемишеву как можно быстрее вызвать и собрать в одно место всех крещеных калмыков, проживающих в разных местах Астрахани, Саратова, Царицына и других городов, и подготовить для перевозки их по реке Волге судна и струги, а берегом для повозок — лошадей и верблюдов [12]. Предписание правительства было выполнено к зиме 1737–1738 гг.

Итак, В. Н. Татищеву с полковником А. И. Змеевым было предписано, чтобы они для поселения прибывающих новокрещенцев выбрали по рекам Черемшану, Соку, Кондурче, Липовке и другим рекам Закамской линии самые удобные для кочевья и становищ и привольные места, приучая их там к пашне и домовому житью. Пока же калмыки

ко всему этому не привыкнут, им разрешалось кочевать внутри линии между реками Волгой, Черемшаном, Соком и Кондурчой.

В. Н. Татищев и А. И. Змеев объехали эти места, заметив 11 пунктов, самых удобных для кочевья и становищ, под будущее поселение новокрещеных калмыков. Вернувшись к месту, избранному и утвержденному императорской грамотой под возведение города, Татищев и Змеев прежде всего сообщили княгине Анне Тайшиной о выбранных ими пунктах для поселения калмыков, приступив затем к заготовке строевого материала в течение зимы, чтобы по ее окончании сразу же приступить к постройке города, согласно чертежу, утвержденному правительством. Тут же встал вопрос о названии будущего города.

На совете, состоявшемся по этому делу, В. Н. Татищев как попечитель предложил назвать его Епифания, что по-гречески значит «Просвещение», но полковник А. И. Змеев и начальник Башкирской комиссии в Уфимской провинции генерал-майор Л. Я. Соймонов, заметив, что, поскольку одной из целей основания города было упрочение и распространение христианства среди калмыков, решили дать ему название Ставрополь, т. е. город Святого Креста. Указом Сената от 14 мая 1739 г. крепость на Куньей Воложке была именована в город Ставрополь.

Весной 1738 г. приступили к постройке нового города. В первую очередь ставили церковь, дома для княгини, коменданта, архимандрита Никодима (Ленкевича), переводчиков и других должностных лиц, а также для помещений архива, канцелярии, магазинов, амбаров и проч. Все эти работы планировалось закончить уже к концу лета. Руководил строительством города полковник Змеев.

Сразу же с началом работ Татищев предписал калмыкам, находящимся в Астрахани, Царицыне и Саратове, прибыть в строящийся город. Зимой 1737–1738 гг. они были собраны и подготовлены к отправке в Ставрополь. Собранных калмыков оказалось 2104 человека в 700 кибитках. Весной 1738 г. их стали отправлять партиями в Ставрополь двумя путями: по Волге — на стругах и суднах, и сухопутьем — на верблюдах и лошадях; домашний скот гнали вблизи левого берега Волги. Для охраны переселенцев и для того, чтобы они не разбежались, был назначен конвой, состоящий из сержанта, прапорщика, 20 солдат и 28 донских казаков. На дорогу царское правительство выдавало калмыкам деньги и одежду, а по прибытии их в Ставрополь снабдило каждое семейство лошадью, мукой и семенами на посев. Но не все калмыки изъявляли желание к переселению и изменению веры. Документы фиксируют моменты ухода их от владельцев, укрытия в калмыцких улусах, нежелания принимать непонятную для них веру. Для поимки беглых были отряжены казацкие войска. Из Астрахани в Ставрополь была доставлена и походная церковь во имя Воскресения Христова [12; 24, с. 1–35].

Через 10 лет, в 1748 г., в Ставрополе и его окрестностях обитало уже 8698 крещеных калмыков. Местные власти стали более внимательно относиться к мотивам, по которым прибывающие калмыки принимали православие. Желающих креститься калмыков спрашивали об искренности их поступка, и когда получали ответ, что они принимают христианскую веру не ради льгот и права ведения торговли на новых поселениях, то по совершении таинства крещения отправляли их на отведенные земли [24, с. 52].

По распоряжению Святейшего Синода в Ставрополь переехали архимандрит Никодим (Ленкевич) и протоиерей Андрей Чубовской.

Полковник А. И. Змеев просил В. Н. Татищева ходатайствовать о разрешении селить между калмыками русских купцов и разночинцев, чтобы калмыки «сперва

к кошению сена и к пашне хлебом, а потом и к поселению возымели охоту». Заслушав представление А. И. Змеева 18 декабря 1737 г., В. Н. Татищев совместно с генерал-майором Л. Я. Соймоновым, решил: «1) купечеству к населению дать позволение по указам и о том потребно, чтоб публиковать указами; а ежели охотников не будет, то перевести из городов Казанской губернии средней статьи купцов до 50 семей, а выбирать их купечеством самим и воеводам в то не вступаться, чтобы не было какого разорения; 2) из объявленных прописных Казанской губернии (разночинцев) перевести и поселить до 300» [12].

Так вместе с калмыками на новые земли стали переселяться и русские. Показательна в этом отношении судьба жителей с. Новодевичье или Новопречистенское. Расположенное недалеко от Ставрополя, оно принадлежало московскому Новодевичьему монастырю и было заселено выходцами из Нижегородской, Пензенской, Тамбовской губерний, из городов Темниково, Вязники и других. Этому же монастырю принадлежали и села Хрящевка, Кондаковка, Бирля и Сускан.

Монастырь решил отправить своих крестьян в родные места, а на их место поселить других. Но 282 жителя с. Новодевичье не хотели уезжать с берегов привольной Волги.

Узнав о поселении по соседству крещеных калмыков, жители с. Новодевичье обратились к коменданту А. И. Змееву с просьбой поселиться близ Ставрополя, так как это переселение не потребует больших затрат, нужно будет лишь переплыть на другой берег.

Ставропольские власти дважды обращались в Петербург с поддержкой такой просьбы, мотивируя тем, что «крещеным калмыкам от тех разночинцев такая польза может быть, что они по поселении между теми калмыками станут жить в слободах домами, и калмыки, живучи между ними и смотря на них, весьма охотно за кошение сена, и за пашню, и к строению домов своих примутся...» [12].

Наконец, правительство лишь в июне 1741 г. разрешило «разночинцев из вотчины Новодевичьего монастыря с. Новопречистенского вывезть и поселить их при Ставрополе между крещеными калмыками, дав им под пашню и сенные покосы земли, сколько надлежит...» [39, с. 51].

Так шло интенсивное заселение берегов Волги как калмыками, так и русскими. Причем ставропольскому коменданту было строго предписано «иметь особое попечение, чтобы от калмык русским людям, как в Ставропольском ведомстве ныне живущим и впредь будущим, также и смежных уездов, никаких обид, грабительств и утеснений не было, равномерно же бы и русские, и прочие иноверцы, в Ставропольском ведомстве и смежно оному живущие, их, калмыков, ничем не обижали» [23, с. 13–14].

В конце лета 1738 г. Ставрополь уже имел вид крепостцы и представлял из себя настоящий по тем временам город. Дома для княгини, архимандрита Никодима, коменданта, зайсангов и других должностных лиц были готовы, кроме того, был построен архив, канцелярия, провиантские магазины, амбары. Храм во имя Святой Троицы был доведен до крыши и главы.

Сама крепость состояла из неправильного шестиугольника с палисадом, имела в длину 667 м, в ширину 422 м и в окружности 1866 м. В ней было поставлено 4 батареи и устроено 2 редута. Ворота было сделано трое: Оренбургские, Симбирские и Водяные.

К концу лета 1738 г. в Ставрополь прибыли крещеные калмыки и раскинули свои кибитки в лесу, за несколько верст от города. Они привезли походную Воскресенскую церковь, предназначенную для перевозки из одного улуса в другой. В сентябре 1738 г.

эта церковь была установлена близ строящегося храма. Тогда же переехала из Самары в Ставрополь княгиня Анна Тайшина со своим штатом и зайсангами [24, с. 1–35].

В середине октября 1738 г. Ставрополь посетил В. Н. Татищев, который остался доволен ходом строительства, но Троицкая церковь показалась ему маловатой, и он предложил первому коменданту крепости А. И. Змееву построить одну большую церковь. Свое предложение он мотивировал тем, что, «во-первых, большую, лучше одну, нежели все, убирать, а наипаче в письме икон надобно смотреть, чтобы хорошее было; во-вторых, в большой церкви поучение и закона толкование больше людей слушать могут, что в разных неудобно; в-третьих, при одной церкви способнее иметь добрых священников, которые у нас в диковинку, а особливо иметь на их калмыцком языке» [25, с. 260].

После разговора со Змеевым В. Н. Татищев побывал у княгини Анны Тайшиной, которая «за обретение привольного места и прилежание для нея строения довольно его благодарила и объявила даже, что она находит себя должно изъяснить благодарение нечто от скотов, яко быков, коров калмыцких и верблюдов» [24, с. 21]. Но Татищев, поблагодарив ее за признательность и добрые пожелания, сказал: «Не токмо от них ничего не пожелаю, но рад бы сам от своего убогим калмыкам помочь» [24, с. 21].

Княгиня напомнила Татищеву о деревнях, которые правительство обещало пожаловать ее мужу при крещении и которые из-за смерти Петра Тайшина не были пожалованы. Княгиня Анна заметила, что «многие в начале этого года приехавшие калмыки сеяли и, благодаря Бога, довольный плод получили; которые же скот имеют, довольно сена наготовили, и хотя де впредь более охоты возымеют, токмо многих железных снастей недостает, а купить их не в состоянии» [25, с. 261–263]. Татищев пообещал княгине по возможности исполнить ее просьбы.

После княгини Василий Никитич отправился в походный храм к обедне, по окончании которой посетил архимандрита Никодима и, сделав все необходимые распоряжения, касающиеся жизнедеятельности нового города, пожелал посетить переселившихся калмыков, заботиться о благосостоянии которых он считал своей прямой обязанностью. Татищев распорядился в самое ближайшее время построить для переселенцев необходимые жилые и хозяйственные помещения, а также открыть больницы и школы. Он разделил всех калмыков на 11 частей и отправил их к пунктам, намеченным им и А. И. Змеевым еще за год до этого. Выбранные места были богаты лесом, плодородными землями, лугами, рыбными ловлями. На этих землях В. Н. Татищев предписал возводить для калмыков особые селения и слободы. В последующем они получили названия Тенеево, Курумоч, Ягодное, Сускан, Калмыцкая Сахча, Красный Яр, Чекалино, Раковка, Кобельма, Кандабулак и Кошки [18, с. 87].

Все эти поселения находились от Ставрополя на расстоянии от 25 до 95 верст. Они дали названия улусам (ротам), по которым «крещеные калмыки в военно-административном отношении распределялись» [38, с. 72].

В декабре 1738 г. В. Н. Татищев совместно с полковником А. И. Змеевым вышел в Коллегию иностранных дел с предложением наделить землями и угодьями калмыков, наделить беднейших из них лошадьми, устроить для них школы и больницы. В. Н. Татищев писал в Коллегию, что «крещеных калмыков полезнее содержать деревнями с землями и угодьями при них, нежели деньгами, ибо чрез таковое содержание они скорее привыкнут к домоводству и работать мало-помалу могут и станут обучаться» [24, с. 24]. Княгине Анне Тайшиной Татищев предложил дать дворцовые деревни на Черемшане или же Усольскую волость [39, с. 47].

В российском обществе и в его отдельных этнических и социальных группах, переживавших в XVIII в. серьезные мировоззренческие, этические, психологические перемены, шел сложный процесс формирования новых «коллективных представлений» [40, с. 900]. Оседлость, просвещение, здравоохранение вместе с христианизацией представлялись механизмами поворота населения колонизируемых имперских окраин, включая калмыков, на общий для всей России путь социальной и культурной модернизации [35, с. 831]. Много сил на приведение этих рычагов в действие приложил В. Н. Татищев, несмотря на то что из-за интриг его врагов 1738 г. был одним из самых «драматических» в «биографии видного государственного деятеля и ученого» [2, с. 373, 376].

Два знавших калмыцкий язык священника получили оклад 150 руб. в год. По указу 1745 г. протоиерей ставропольского собора получал в год 124 руб. 60 коп., священник — 79 руб. 84 коп., диакон — 30 руб. 74 коп., два псаломщика — по 18 руб. 28 коп. В каждом из шести калмыцких приходов был назначен священник, дьячок, пономарь, просфорня. Причтам в калмыцких приходах Ягодного, Курумоча, Калмыцкой Сахчи, Красного Яра, Кошек, Тенево жалование платили гораздо меньше: священникам — 8 руб. 50 коп., псаломщикам — 4 руб. 25 коп. Это жалование сохранилось вплоть до конца XIX в. Некоторое время Троицкий собор находился в ведении не епархиального ведомства, а Святейшего Синода. Протоиерей Дмитрий Орлов считает, что этим преимуществом Троицкий собор пользовался до 1781 г., т. е. до открытия Симбирского наместничества [24, с. 1–35, 106–110]. До 1798 г. священно- и церковнослужители г. Ставрополя и калмыцких приходов владели пахотной и сенокосной землей.

За основу окладного жалования был принят правительственный Указ 1725 г., по которому «производить по достоинству и трудам, не взирая на точные оклады, чтоб достойные с недостойными сравнения не имели» [39, с. 49]. Разъезды служащих, так называемые прогоны, тоже оплачивались и, по необходимости, превышали отпущенные суммы [39, с. 49].

На содержание ставропольского духовенства выделялось 1526 руб. в год. Для сравнения отметим, что на содержание городского правления (коменданта, канцелярии, лекаря, комиссара) выделялось 1100 руб., на содержание калмыцко-русской школы — 476 руб.

Первоначально церковное строительство в Ставрополе и его окрестностях возглавлял архимандрит Никодим, он же освятил в начале 1739 г. первую ставропольскую церковь. За 10 лет миссия Никодима крестила 1700 человек.

В. Н. Татищев, сообщая Коллегии иностранных дел об освящении храма, просил открыть при нем полный штат духовенства, знающего калмыцкий язык. Он же ходатайствовал о постройке нового, более просторного пятиглавого храма, приложив его рисунок.

Святейший Синод дал разрешение построить новую церковь, а во главе штата ставропольского духовенства поставил знающего калмыцкий язык протоиерея Андрея Чубовского [24, с. 1–35, 88, 106–110].

Анна Тайшина вместе с комендантом крепости бригадиром Андреем Ивановичем Змеевым 11 января 1741 г. обратилась в правительство по поводу открытия школы для калмыцких детей. Содержание каждого ученика обходилось правительству в 50 руб. ежегодно. В школе обучались и дети, не попавшие в штат (вольноприходящие) [24, с. 1–35, 106–110].

Себе в помощники в качестве учителей школы протоиерей Андрей вызвал из Астраханской духовной семинарии двух ее выпускников, хорошо знавших калмыц-

кий язык, — Якова Бестужева и Ивана Ляхова. Позже в Ставрополь были направлены Максим Долманов, Петр Смирнов, Федор Львов, Алексей Яковлев, Яков Федотов. В школу был принят преподаватель Закона Божьего (законоучитель) из священников, в обязанности которого входило, под наблюдением протоиерея Андрея Чубовского, знакомить учеников с догматами православной веры. В 1770-х гг. продолжал служить в школе учителем Егор Ерофеев. Он был сам из «калмыцкой нации», получил образование в Славяно-греко-латинской академии и вместе со своими товарищами по учебе «подготовил первые переводы христианских молитв, Символа веры и десяти заповедей на калмыцкий язык» [5, с. 147].

Трудами Андрея Чубовского при Императрице Елизавете было обращено в православие еще до 6000 человек, в том числе множество калмыков из главных кочевий их в астраханских степях, а также вдова тамошнего хана Дондук-Омбо с детьми.

Анна Тайшина скончалась в Ставрополе в 1742 г. После ее смерти среди калмыков начались беспорядки. У них отбирали земли, рыбную ловлю. Калмыки были вынуждены нищенствовать и просить милостыню. Имущество Анны Тайшиной считали выморочным, его поделили между зайсангами. Правителем был назначен князь Петр Торгоутский, племянник Тайшиных, при нем был образован «Калмыцкий суд», наделенный военно-административными функциями. В нем по штату состояли войсковой полковник, войсковой судья, войсковой писарь, надзиратель за улусами, войсковой есаул, два войсковых хорунжих. Петр Торгоутский получил чин войскового судьи. После его смерти власть перешла к Никите Дербетову [20, с. 4–5].

В Ставрополе четко соблюдались сословные различия. Местная знать участвовала в социальных акциях на правах первенствующей и зачастую с Высочайшего повеления. При обряде крещения вновь прибывшей ханши Черен-Дондуковой предписывалось правительственным Указом быть ее восприемницей, т. е. крестной матерью, женам или полковника Кашкарова, или протопопа. Но ее сестре позволялось избрать себе крестную или предоставить полковнику решить, кто будет ее восприемницей. Во многих случаях сами русские императрицы не гнушались этой роли, в результате чего имели множество «дочерей», что укрепляло их статус «Матери Отечества русского». Информация о таких актах отсылалась в Оренбургскую губернскую канцелярию, в Сенат и Синод [39, с. 56].

Выводы. Как отмечал архимандрит Никодим (Ленкевич), добровольно крестились по большей части лишь те калмыки, кто совершил какое-нибудь преступление, избегая наказания за него или надеясь получить подарки. Постоянные правительственные напоминания о том, что калмыки должны посещать церковь, принимать все ее таинства, быть добропорядочными христианами, не держать в домах идолов и т. д., свидетельствуют о недостаточности благочестия новообращенных. В это же самое время множество ламаистских наставников, гелюнгов проживали в кочевьях постоянно, приходя на помощь тому, кому она необходима в повседневной жизни. Новая же вера призывала к покаянию, к усердному молению, ко многим ограничениям. Вряд ли миссионерам удавалось донести до калмыков сакральное значение таинства крещения, объяснить этот символический союз человека с Богом, так что внешняя благопристойность городской жизни плохо сочеталась с жизнью в отдаленных улусах, где по-прежнему духовными наставниками оставались гелюнги, а в кибитках на почетном месте с иконой Николая Угодника соседствовал бурхан [39, с. 56].

В 1772 г. в ставропольскую местность было переселено еще 3000 крещеных калмыков. Это была последняя волна миграции крещеного калмыцкого населения в наши

края. В отличие от 30–40-х гг. XVIII в., когда правительство старалось расселять русское население среди крещеных калмыков, чтобы приучить их к хлебопашеству, то теперь, наоборот, калмыков стали селить между русскими слободами, чтобы они не смогли сплотиться и уйти из пределов России. Власти опасались повторения драматического исхода из российских пределов основной массы некрещеных калмыков, случившегося в 1771 г. [34, с. 371]. Для новых пришельцев были даны угодья по Волге от Царевщины до Черемшана, а вверх по Черемшану земли до деревни Челнов, а по Кондурче до Сергиевской дороги.

Политика правительства в отношении перевода калмыков на оседлый образ жизни не удалась, слишком глубоки были традиции и привычки кочевников. Нередко случались факты бегства калмыков из Ставрополя. Ставропольские калмыки в религиозном отношении христианами были только по имени, а по сути оставались верны прежней вере. Как писал протоиерей Дмитрий Орлов, «ламайское духовенство, хотя разоряло калмыков своими поборами, но умело своим влиянием, раскрытием своего вероучения удерживать их в прежней вере, не стесняя внешней их свободы» [24, с. 56, 59–60].

Численность ставропольских калмыков в первой половине XIX в. постоянно сокращалась. В 1803 г. их насчитывалось 2648 душ мужского пола, а к 1833 г. осталось 1790 душ мужского пола [4, с. 100].

В 1842 г. по императорскому указу началось выселение крещеных калмыков из Симбирской губернии, в которую тогда входил Ставропольский уезд, на восток на новую пограничную линию [33, с. 38]. Их включили в состав Оренбургского казачьего войска [12]. По подсчетам историков, «ликвидация калмыцкого войска отдавала под земледельческое освоение территорию более чем в четверть миллиона десятин» [38, с. 72].

Освободившиеся калмыцкие земли в Самарском и Ставропольском уездах в 1844 г. были переданы Министерству государственных имуществ. Их решено было использовать для наделения крестьян-переселенцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Аминов Р. Р. Комплектование татарами-казаками Оренбургского казачьего войска в докантонный период // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сборник. 2014. № 4. С. 3–33.
- 2 Артамонова Л. М. Век Просвещения в «Quaestio Rossica» // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 372–379.
- 3 Артамонова Л. М. Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750–1760-е гг. // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 471–475.
- 4 Артамонова Л. М. Мероприятия по наделению крестьян-переселенцев землями Ставропольского калмыцкого войска в середине XIX в. // Социальный мир деревни X–XXI вв. Земельные собственники / землевладельцы и земледельцы: XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М.: Изд-во ИРИ РАН, 2020. С. 99–102.
- 5 Артамонова Л. М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2001. 392 с.

- 6 *Артамонова Л. М.* Политика в сфере народного просвещения в Поволжье (XVIII – первая половина XIX в.) // Российская история. 2013. № 2. С. 101–113.
- 7 *Артамонова Л. М.* Ставрополь — Тольятти: эволюция от пограничной крепости на Волге до крупного современного города // Романовские чтения: Кострома и судьбы российской государственности. Мат. конф. Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. С. 80–83.
- 8 *Артамонова Л. М.* Школа для крещеных ставропольских калмыков в контексте этноконфессиональной и образовательной политики XVIII века // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2017. № 5. С. 575–581.
- 9 *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX в.). Элиста: Калмыцкое гос. изд-во, 1965. 179 с.
- 10 *Беликов Т. И.* Участие калмыков в крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773–1775 гг.). Элиста: Калмыцкое гос. изд-во, 1965. 167 с.
- 11 *Ведерникова Т. И.* Формирование системы дворянского землевладения в ходе аграрного освоения Самарского Заволжья в XVIII – середине XIX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3–2. С. 364–372.
- 12 *Витевский В. Н. И. И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: ист. монография: в 3 вып. Казань: Типо-литография В. М. Ключникова, 1889. Вып. 1. 176 с. Казань: Типо-литография В. М. Ключникова, 1890. Вып. 2. 368 с.
- 13 *Джунджузов С. В.* История крещеных калмыков Средневожско-Уральского региона в дореволюционной российской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5–2 (43). С. 65–69.
- 14 *Джунджузов С. В.* Ставрополь-на-Волге и Ставропольское калмыцкое войско: исторический источниковедческий очерк // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Междунар. науч. конф. Элиста: Изд-во КалмНЦ РАН, 2011. С. 211–214.
- 15 История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Самара: ООО «Слово», 2020. Т. 1: Самарское Поволжье в XVI – первой половине XIX вв. 480 с.
- 16 Исторический обзор ставропольских крещеных калмыков и несколько данных о современном их состоянии // Отечественные записки. 1844. Т. XXXV. 7–8. С. 29.
- 17 *Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Кабытова Н. Н.* и др. Изучение истории Самарского края XVI – начала XX вв.: историографический обзор // Вестник СамГУ. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 2. С. 8–24.
- 18 *Кабытов П. С., Храмов Л. В., Матвеева Г. И.* и др. Земля Самарская. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Куйбышев: Куйбышевское книжн. изд-во, 1990. 320 с.
- 19 *Кузнецов В. А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара, Челябинск: Челябинский ЦНТИ, 2008. 478 с.
- 20 *Лобанова Н.* Церен-янжи — первая хозяйка Ставрополя // Деловая дама Тольятти. Октябрь 2006. С.4–5.

- 21 *Миронов Б. Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланов, 2017. 640 с.
- 22 «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Самара: Изд-во СамГУ, 2013. Ч. 1: Очерки истории. 360 с. Самара: Изд-во СамГУ, 2014. Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация. 254 с.
- 23 *Овсянников В. А.* Ставрополь-Тольятти. Страницы истории. Тольятти: Изд-во фонда «Развитие через образование», 1996. 364 с.
- 24 *Орлов Дмитрий*, протоиерей. Ставрополь и его храмы. Самара: Д. Орлов. — Перепечатано из Самарских Епархиальных Ведомостей за 1882 г. 120 с.
- 25 *Попов Н. А.* Татищев и его время. СПб.: Тип. Грачева и компании, 1861. 804 с.
- 26 *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730–1750). Оренбург: Типо-литография Ив. Ив. Евфимовского-Мировицкого, 1896 г. 95 с.
- 27 *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии (Сочинение П. И. Рычкова 1762 года). Оренбург: Императорское Русское Географическое Общество, 1887 (Тип. Б. Бреслина). 405 с.
- 28 *Смирнов Ю. Н.* Башкиры Самарского Заволжья: включение в имперское пространство России XVIII–XIX вв. // Известия УрФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 161–173.
- 29 *Смирнов Ю. Н.* Начало научного изучения в России восемнадцатого столетия проблем регионоведения и геополитики // Известия СамНЦ РАН. 2012. Т. 14, № 3–1. С. 171–175.
- 30 *Смирнов Ю. Н.* Новые материалы для изучения создания и содержания «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова — выдающегося памятника русской исторической мысли XVIII века // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 979–983.
- 31 *Смирнов Ю. Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара: Изд-во СамГУ, 1997. 190 с.
- 32 *Смирнов Ю. Н.* Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX веков (основные этапы) // Вестник СамГУ. 1997. № 1. С. 75–92.
- 33 *Смирнов Ю. Н.* Причины административного переустройства Заволжья в первой половине XIX века и образование Самарской губернии // Самарский земский сборник. 1997. № 1. С. 35–44.
- 34 *Смирнов Ю. Н.* Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63, № 2. С. 361–377.
- 35 *Смирнов Ю. Н.* Самара восемнадцатого века в дневнике английского сотрудника Оренбургской экспедиции // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 3. С. 823–834.
- 36 *Смирнов Ю. Н.* Российская империя: от колонизации до революции // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 3. С. 869–881.
- 37 *Смирнов Ю. Н.* Крупная крепостная вотчина и освоение земель Среднего Поволжья в последней трети XVIII – первой половине XIX века (по материалам владений Орловых и Орловых-Давыдовых в районе Самарской Луки) // Вестник СамГУ. 2012. № 8–2 (99). С. 101–109.
- 38 Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.). Самара: Изд-во СамГУ, 2013. 384 с.

- 39 Четыре века Ставрополя-Тольятти. Хроника городской жизни. 1737–2007 / гл. ред. В. А. Рашевская Самара: Агни, 2007. 544 с.
- 40 *Artamonova L. M.* Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // БЫЛЫЕ ГОДЫ: Российский исторический журнал. 2016. № 41–1 (3). С. 899–907.

© 2022. Vadim N. Yakunin
Moscow, Russia

**SPREAD OF ORTHODOXY AMONG THE KALMYKS
IN THE LATE 17 – FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY:
CULTURAL-HISTORICAL ANALYSIS**

Abstract: The paper analyzes the process of spreading Orthodoxy among the Kalmyks at the end of the 17th – the first half of the 18th century and their resettlement in the city of Stavropol, specially founded for these purposes. It is argued that the resettlement of Kalmyks to new lands and their Christianization was a matter of state policy, which was distinguished by flexibility and pragmatism. It was carried out taking into account internal and external factors. Great importance was attached to the baptism of the Kalmyk elite resulting in the creation among them of a pro-government-minded elite. Influencing their fellow tribesmen, the elite was to become a pillar in the policy of Christianization. The study focuses on activity of state and church leaders who contributed to this process: V. N. Tatishchev, A. P. Volynsky, A. I. Rumyantsev, I. K. Kirillov, A. I. Zmeyev and others. When laying Stavropol, they were guided by the need to protect Russia from the raids of the Bashkirs: the fortress occupied a middle place between the Zakamsky and Orenburg fortifications. The city had good prospects of development, thanks to its favorable geographical position on a main waterway of Russia. The benefits received at baptism attracted a significant number of Kalmyks, but among them were many who did not accept Christianity at a deep spiritual level, continuing to follow their usual faith, most adapted to nomadic lifestyle. The new faith took root with difficulty. From the very beginning, Stavropol was built as a multinational city, since it was decided to settle Russian peasants, merchants and commoners next to the Kalmyks, so that the Kalmyks would learn, looking at them, to a settled way of life and tillage. In December 1738, the founder of Stavropol, V. N. Tatishchev, together with his first commandant, Colonel A. I. Zmeyev, went to the Collegium of Foreign Affairs with a proposal to allocate lands to the Kalmyks, to endow the poorest of them with horses, to arrange schools and hospitals. Settlement, enlightenment, health care, together with Christianization, were seen as mechanisms for turning the population of the colonized imperial outskirts, including the Kalmyks, onto a path of social and cultural modernization common to all of Russia. It is convincingly proved that the government's policy regarding the transfer of the Kalmyks to a settled way of life failed, because the traditions and habits of the nomads were too deep. Thus, the Christianization of the Kalmyks was of a rather formal nature, since they remained faithful to the former faith, facts of dual faith included.

Keywords: temples, cathedrals, churches, clergy, Kalmyks, gelyungs, zaisangs, taishi, noyons.

Information about the author: Vadim N. Yakunin — DSc in History, Professor, Moscow Art-Industrial Institute, 2nd Baumanskaya St., 9/23, 3 bld., 105005 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0464-2938> E-mail: vadyak@mail.ru

Received: December 01, 2020

Approved after reviewing: January 25, 2021

Date of publication: March 28, 2022

For citation: Yakunin V. N. Spread of orthodoxy among the kalmyks in the late 17 – first half of the 18th century: cultural-historical analysis. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 63, pp. 21–43. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-21-43>

REFERENCES

- 1 Aminov R. R. Komplektovanie tatarami-kazakami Orenburgskogo kazach'ego voiska v dokantonnii period [Acquisition of the Orenburg Cossack army by Tatars-Cossacks in the pre-cantonal period]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ia: sbornik*, 2014, no 4, pp. 3–33. (In Russian)
- 2 Artamonova L. M. Vek Prosveshcheniia v “Quaestio Rossica” [The Age of Enlightenment in “Quaestio Rossica”]. *Dialog so vremenem*, 2019, no 68, pp. 372–379. (In Russian)
- 3 Artamonova L. M. Ispol'zovanie massovykh istochnikov i ustnykh predanii pri rekonstruktsii osvoeniia lesostepnogo Zavolzh'ia v 1750–1760-e gg. [The use of mass sources and oral traditions at reconstruction of the development of the forest-steppe Trans-Volga region in the 1750–1760s.]. *Izvestiia PGPU im. V. G. Belinskogo*, 2012, no 27, pp. 471–475. (In Russian)
- 4 Artamonova L. M. Meropriiatiia po nadeleniiu krest'ian-pereselentsev zemliami Stavropol'skogo kalmytskogo voiska v seredine XIX v. [Measures to endow displaced peasants with the lands of the Stavropol Kalmyk army in the middle of the 19th century]. In: *Sotsial'nyi mir derevni X–XXI vv. Zemel'nye sobstvenniki / zemlevladel'tsy i zemledel'tsy: XXXVII sessiia Simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy* [The social world of the village of the 10–21st centuries. Landowners / landowners and farmers: XXXVII session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe]. Moscow, Izdatel'stvo IRI RAN Publ., 2020, pp. 99–102. (In Russian)
- 5 Artamonova L. M. *Obshchestvo, vlast' i prosveshchenie v russkoi provintsii XVIII – nachala XIX v. (Iugo-vostochnye gubernii Evropeiskoi Rossii)* [Society, power and enlightenment in the Russian province of the 18th – early 19th century. (South-eastern provinces of European Russia)]. Samara, Izdatel'stvo SNTs RAN Publ., 2001. 392 p. (In Russian)
- 6 Artamonova L. M. Politika v sfere narodnogo prosveshcheniia v Povolzh'e (XVIII – pervaiia polovina XIX v.) [Politics in the field of public education in the Volga region (18 – the first half of the 19th century)]. *Rossiiskaia istoriia*, 2013, no 2, pp. 101–113. (In Russian)
- 7 Artamonova L. M. Stavropol' — Tol'iatti: evoliutsiia ot pogranchnoi kreposti na Volge do krupnogo sovremennogo goroda [Stavropol — Togliatti: evolution from a border fortress on the Volga to a large modern city]. In: *Romanovskie chteniia: Kostroma i sud'by rossiiskoi gosudarstvennosti. Materialy konferentsii* [Romanov Readings: Kostroma and the fate of Russian statehood. Proceedings of the conference]. Kostroma, Izdatel'stvo KGU im. N. A. Nekrasova, 2012, pp. 80–83. (In Russian)

- 8 Artamonova L. M. Shkola dlia kreshchenykh stavropol'skikh kalmykov v kontekste etnokonfessional'noi i obrazovatel'noi politiki XVIII veka [School for baptized Stavropol Kalmyks in the context of ethno-confessional and educational policy of the 18th century]. *Rus', Rossiia. Srednevekov'e i Novoe vremia*, 2017, no 5, pp. 575–581. (In Russian)
- 9 Belikov T. I. *Kalmyki v bor'be za nezavisimost' nashei Rodiny (XVII – nachalo XIX v.)* [Kalmyks in the struggle for independence of our Motherland (17 – early 19 century)]. Elista, Kalmytskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1965. 179 p. (In Russian)
- 10 Belikov T. I. *Uchastie kalmykov v krest'ianskoi voine pod rukovodstvom E. I. Pugacheva (1773–1775 gg.)* [Participation of the Kalmyks in the peasant war under the leadership of E. I. Pugachev (1773–1775)]. Elista, Kalmytskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1965. 167 p. (In Russian)
- 11 Vedernikova T. I. Formirovanie sistemy dvorianskogo zemlevladieniia v khode agrarnogo osvoeniia Samarskogo Zavolzh'ia v XVIII – seredine XIX v. [Formation of the system of noble land ownership during the agrarian development of the Samara Volga region in the 18 – mid-19 century]. *Izvestiia SNTs RAN*, 2014, vol. 16, no 3–2, pp. 364–372. (In Russian)
- 12 Vitevskii V. N. I. I. *Nepliuev i Orenburgskii krai v prezhnem ego sostave do 1758 g.: istoricheskaia monografiia: v 3 vyp.* [I. I. Nepliuev and the Orenburg Region in its former composition until 1758: historical monograph: in 3 vols.]. Kazan', Tipolitografiia V. M. Kliuchnikova Publ., 1889. Vol. 1. 176 p. Kazan', Tipolitografiia V. M. Kliuchnikova Publ., 1890. Vol. 2. 368 p. (In Russian)
- 13 Dzhundzhuzov S. V. Istoriia kreshchenykh kalmykov Srednevolzhsko-Ural'skogo regiona v dorevoliutsionnoi rossiiskoi istoriografii [The history of the baptized Kalmyks of the Middle Volga-Ural region in pre-revolutionary Russian historiography]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no 5–2 (43), pp. 65–69. (In Russian)
- 14 Dzhundzhuzov S. V. Stavropol'-na-Volge i Stavropol'skoe kalmytskoe voisko: istoricheskii istochnikovedcheskii ocherk [Stavropol-on-Volga and the Stavropol Kalmyk Army: a historical source study essay]. In: *Gumanitarnaia nauka Iuga Rossii: mezhdunarodnoe i regional'noe vzaimodeistvie. Mezhdunarododnaia nauchaia konferentsiia* [Humanities of the South of Russia: international and regional cooperation. International Scientific conference]. Elista, Izdatel'stvo KalmNTs RAN Publ., 2011, pp. 211–214. (In Russian)
- 15 *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dni: v 2 t.* [The history of the Samara Volga region from ancient times to the present day: in 2 vols.]. Samara, OOO “Slovo” Publ., 2020. Vol. 1: Samarskoe Povolzh'e v XVI – pervoi polovine XIX v. [Samara Volga region in the 16 – first half of the 19 c.]. 480 p. (In Russian)
- 16 Istoricheskii obzor stavropol'skikh kreshchenykh kalmykov i neskol'ko dannykh o sovremennom ikh sostoianii [Historical review of Stavropol baptized Kalmyks and some data on their current state]. *Otechestvennye zapiski*, 1844, vol. XXXV, 7–8, p. 29. (In Russian)
- 17 Kabytov P. S., Dubman E. L., Kabytova N. N. i dr. Izuchenie istorii Camarskogo kraia XVI – nachala XX vv.: istoriograficheskii obzor [The study of the history of the Samara Region of the 16 – early 20 centuries: historiographical review]. *Vestnik SamGU. Istoriia, pedagogika, filologiia*, 2020, vol. 26, no 2, pp. 8–24. (In Russian)

- 18 Kabytov P. S., Khramkov L. V., Matveeva G. I. i dr. *Zemlia Samarskaia. Ocherki istorii Samarskogo kraia s drevneishikh vremen do pobedy Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii* [Samaritan land. Essays on the history of the Samara Region from ancient times to the victory of the Great October Socialist Revolution]. Kuibyshev, Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990. 320 p. (In Russian)
- 19 Kuznetsov V. A. *Irreguliarnye voiska Orenburgskogo kraia* [Irregular troops of the Orenburg Region]. Samara, Cheliabinsk, Cheliabinskii TsNTI Publ., 2008. 478 p. (In Russian)
- 20 Lobanova N. Tseren-ianzhi — pervaiia khoziaika Stavropolia [Tseren-yanzhi — the first mistress of Stavropol]. In: *Delovaia dama Tol'iatti*, October 2006, pp. 4–5. (In Russian)
- 21 Mironov B. N. *Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiiskoi imperii* [Management of the ethnic diversity of the Russian Empire]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanov Publ., 2017. 640 p. (In Russian)
- 22 “Obretenie Rodiny”: *obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI–nachalo XX v.)* [“Finding the Motherland”: society and power in the Middle Volga region (the second half of the 16–the beginning of the 20 century)]. Samara, Izdatel'stvo SamGU Publ., 2013. Part 1: Ocherki istorii [Essays of history]. 360 p. Samara, Izdatel'stvo SamGU Publ., 2014. Part 2: Zaselienie regiona i etnodemograficheskaia situatsiia [Settlement of the region and the ethno-demographic situation]. 254 p. (In Russian)
- 23 Ovsiannikov V. A. *Stavropol'-Tol'iatti. Stranitsy istorii* [Stavropol-Togliatti. Pages of history]. Tol'iatti, Izdatel'stvo fonda “Razvitie cherez obrazovanie”, 1996. 364 p. (In Russian)
- 24 Orlov Dmitrii, protoierei. *Stavropol' i ego khramy* [Stavropol and its temples]. Samara, D. Orlov. — Perepechatano iz Samarskikh Eparkhial'nykh Vedomostei za 1882 g. 120 p. (In Russian)
- 25 Popov N. A. *Tatishchev i ego vremia* [Tatishchev and his time]. St. Petersburg, Tipografiia Gracheva i kompanii Publ., 1861. 804 p. (In Russian)
- 26 Rychkov P. I. *Istoriia Orenburgskaia (1730–1750)* [Orenburg History (1730–1750)]. Orenburg, Tipo-litografiia Iv. Iv. Evfimovskogo-Mirovitskogo Publ., 1896 g. 95 p. (In Russian)
- 27 Rychkov P. I. *Topografiia Orenburgskoi gubernii (Sochinenie P. I. Rychkova 1762 goda)* [Topography of the Orenburg province (The work of P. I. Rychkov in 1762)]. Orenburg, Imperatorskoe Russkoe Geograficheskoe Obshchestvo, 1887 (Tip. B. Breslina). 405 p. (In Russian)
- 28 Smirnov Iu. N. Bashkiry Samarskogo Zavolzh'ia: vkluchenie v imperskoe prostranstvo Rossii XVIII–XIX vv. [Bashkirs of the Samara Volga region: inclusion in the imperial space of Russia of the 18–19 centuries]. *Izvestiia UrFU*, Series 2: Gumanitarnye nauki [Humanities], 2020, vol. 22, no 4 (202), pp. 161–173. (In Russian)
- 29 Smirnov Iu. N. Nachalo nauchnogo izucheniia v Rossii vosemnadtsatogo stoletii problem regionovedeniia i geopolitiki [The beginning of scientific study in Russia of the eighteenth century of the issues of regional studies and geopolitics]. *Izvestiia SamNTs RAN*, 2012, vol. 14, no 3–1, pp. 171–175. (In Russian)
- 30 Smirnov Iu. N. Novye materialy dlia izucheniia sozdaniia i sodержaniia “Istorii Orenburgskoi” P. I. Rychkova — vydaiushchegosia pamiatnika russkoi istoricheskoi mysli XVIII veka [New materials for studying the creation and content of

- P. I. Rychkov's "History of Orenburg" — an outstanding monument of Russian historical thought of the 18th century]. *Izvestiia PGPU im. V. G. Belinskogo*, 2012, no 27, pp. 979–983. (In Russian)
- 31 Smirnov Iu. N. *Orenburgskaia ekspeditsiia (komissiia) i prisoedinenie Zavolzh'ia k Rossii v 30–40-e gg. XVIII veka* [The Orenburg expedition (commission) and the annexation of the Volga region to Russia in the 30–40s of the 18th century]. Samara, Izdatel'stvo SamGU Publ., 1997. 190 p. (In Russian)
- 32 Smirnov Iu. N. Politika osvoeniia Zavolzh'ia i organizatsiia upravleniia ego territoriei v XVIII – pervoi polovine XIX veka (osnovnye etapy) [The policy of development of the Volga region and the organization of management of its territory in the 18 – first half of the 19th century (main stages)]. *Vestnik SamGU*, 1997, no 1, pp. 75–92. (In Russian)
- 33 Smirnov Iu. N. Prichiny administrativnogo pereustroistva Zavolzh'ia v pervoi polovine XIX veka i obrazovanie Samarskoi gubernii [The reasons for the administrative reorganization of the Volga region in the first half of the 19th century and the formation of the Samara province]. *Samarskii zemskii sbornik*, 1997, no 1, pp. 35–44. (In Russian)
- 34 Smirnov Iu. N. Retrospektivnyi analiz v zhanre ustnoi istorii besed s zhiteliami doreformennogo rossiiskogo goroda [Retrospective analysis in the genre of oral history of conversations with residents of a pre-reform Russian city]. *Vestnik SPbGU, Istoriiia* [History], 2018, vol. 63, no 2, pp. 361–377. (In Russian)
- 35 Smirnov Iu. N. Samara vosemnadtsatogo veka v dnevnike angliiskogo sotrudnika Orenburgskoi ekspeditsii [Samara eighteenth-century diary of an English officer of the Orenburg expedition]. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no 3, pp. 823–834. (In Russian)
- 36 Smirnov Iu. N. Rossiiskaia imperiia: ot kolonizatsii do revoliutsii [The Russian Empire: from colonization to revolution]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no 3, pp. 869–881. (In Russian)
- 37 Smirnov Iu. N. Krupnaia krepostnaia votchina i osvoenie zemel' Srednego Povolzh'ia v poslednei treti XVIII – pervoi polovine XIX veka (po materialam vladenii Orlovykh i Orlovykh-Davydovykh v raione Samarskoi Luki) [A large serf patrimony and the development of the lands of the Middle Volga region in the last third of the 18 – first half of the 19th century (based on the materials of the Orlov and Orlov-Davydov possessions in the Samara Luka area)]. *Vestnik SamGU*, 2012, no 8–2 (99), pp. 101–109. (In Russian)
- 38 *Sredniaia Volga i Zavolzh'e v protsesserazvitiia rossiiskoi tsivilizatsii i gosudarstvennosti (vтораia polovina XVI – nachalo XX vv.)* [The Middle Volga and the Trans-Volga region in the process of development of Russian civilization and statehood (the second half of the 16 – early 20 centuries)]. Samara, Izdatel'stvo SamGU Publ., 2013. 384 p. (In Russian)
- 39 *Chetyre veka Stavropolia-Tol'iatti. Khronika gorodskoi zhizni. 1737–2007* [Four centuries of Stavropol-Togliatti. Chronicle of urban life. 1737–2007], editor-in-chief V. A. Rashevskaiia. Samara, Agni Publ., 2007. 544 p. (In Russian)
- 40 Artamonova L. M. Modernization of "Collective Beliefs" and "Cultural Capital" in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society. *Bylye gody: Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 2016, no 41–1 (3), pp. 899–907. (In English)